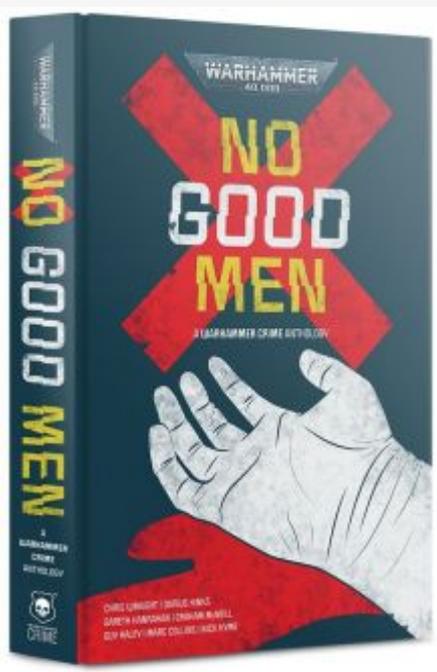

Остывшие следы / Cold Cases (рассказ)

Остывшие следы / Cold Cases (рассказ)

Автор	Марк Коллинз / Mark Collins
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Хороших людей нет / No Good Men
Год издания	2020
Экспортировать	 PDF, EPUB

На юге города всегда было холодно. Скованные льдом округа района Поларис-Нуль дрожали, сотрясаясь на студеном ветру.

Квиллон Драск уже к нему привык. Он плотно натянул свое длинное толстое пальто и, хотя и был в перчатках, потер руки друг о друга, полагаясь на то, что последняя порция амасека, выпитая ночью, не даст ему замерзнуть. Он не ожидал, что его вызовут. Он знал – ну *конечно же, он знал* – что следует всегда быть готовым к неприятностям... Впрочем, знать – не значит принимать во внимание.

И вот он шел по улицам мимо Ватрагийских доков, неподалеку от Виа Артис. Вызов поступил поздно, вестовой прибежал к нему домой, так что тусклое солнце уже давно село.

Убийство. Возможно, и еще что-то.

Он занес обращение в журнал вериспика, через инфофирму, чисто на всякий случай. К его требованиям

уже привыкли. К его причудам.

Уже успел выпасть первый ночной снег, и Драск чувствовал, как тот хрустит под ногами. Порывы метели еще продолжались, и ветры микроклимата южных улиц подхватывали их, вертя вокруг гудящих неоновых вывесок и придавая ночи странный, раздробленный вид. В этом присутствовала своя красота – для человека, желающего ее увидеть. Или человека, которому не все равно. Этот город, Варангантюа, был способен на множество иллюзий. Он мог принимать тебя с любовью до тех пор, пока не нанесешь ему оскорбление, а потом бросить тебя псам.

Этот город пожирает людей.

Так всегда говорил Алексиус, когда пил. Под конец такое происходило часто, так что фраза повторялась все время, что Драск учился на пробатора. Он поежился, но не от кусачего ветра. Воспоминание холодило само по себе.

Он прошел под вывороченными окнами осыпающегося жилого блока, поднырнул под железную ограду и оказался перед обширным разгромленным пустырем. В темноте что-то шевельнулось, и он почти уже потянулся за оружием, но затем проступившая тень сделала вдох, и вспыхнул рассеянный огонек палочки лхо, осветивший лицо и униформу разрешителя.

Их было двое. Они смотрели в другую сторону и повернулись к нему только когда он приблизился. Драск выругался.

- Вольно, – проворчал он. – Нынче ночью и так хватило плохих решений.

Он протянул руку и выхватил палочку изо рта курильщика. Перевернул ее и сделал долгую затяжку. Дым был теплым, ароматным, умиротворяющим. Драск выдохнул облачко, после чего бросил палочку на землю и вдавил ее в снег своим ботинком.

- Эти штуки против правил, вы же в курсе, – лениво проговорил он, подавшись поближе и прищурившись, чтобы увидеть идентификационные знаки. Разглядеть имена в полумраке не было никакой возможности, однако значение имел сам жест. – Разрешители?..

- Каллос, – отозвался один из них. Хорошо сложенный мужчина, судя по бледной коже – из местных.

- Джидья, – хрипло произнесла его напарница. Это она курила. Выглядела уроженкой срединных районов. Может быть, перевелась. Она была так удивлена, что широко раскрыла глаза и не смогла сказать в ответ ничего, кроме своего имени. Ее руки в черных кожаных перчатках были сжаты в кулаки. Мелочь, но это вызвало у него улыбку.

- Славно. Ну, мы тут все друзья, и никто ни на кого не должен доносить, – он сухо усмехнулся. – Пробатор Драск.

Он кое-как извлек свой голо-жетон и огляделся по сторонам. Череп и коронованная змея мерцали в сумраке, испуская собственное приглушенное свечение.

- Я так понимаю, вы охраняете мое место преступления?

- Так точно, сэр, – ответил Каллос с неуместной быстротой, из-за чего слова слились в торопливое «*такточсэр*». – Сюда, сэр.

Он протянул руку к поясу и достал фонарь. Тот со щелчком включился, заливая плоское белое

пространство ярким светом. Из земли выдавались камни и обломки, оставшиеся от произошедших неподалеку обвалов. Они как будто целиком состояли из контрастных теней и острых граней. Словно кости, торчащие из плоти. Он подавил жутковатую мысль и подал Каллосу знак, щелкая пальцами до тех пор, пока тот неохотно не отдал фонарь.

Драск двинулся вперед. Он уже слышал, как начинается разговор шепотом. Скрипучий голос Джди и незамедлительные, почти что детские объяснения Каллоса.

- Это...

- Да, ты же слышала...

- Вечно странные...

Он не обращал внимания. Подобное следовало за ним по пятам так давно, что уже не цепляло. Что он - сломленный человек, обреченный заниматься делами, которые до боли близки к эзотерике. Что он - итог ошибок своего наставника. Ему случалось слышать вещи и гораздо хуже. Так же часто в лицо, как и за спиной. Он вскинул руку и утер рот, дыхание клубилось в горьком ночном воздухе. Трон, как же ему нужно было выпить еще. В свое время он с этим опоздал.

Он смотрел вниз, держа наготове фонарь, чтобы не наткнуться на что-нибудь такое, что можно по ошибке принять за улику. Но это не вполне подготовило его к тому моменту, когда он обнаружил первые следы кошмара.

На снегу была кровь.

Слишком мало, чтобы убийство произошло здесь, отметил он, однако достаточно для багряных узоров, пугающих созвездий. Будто следы, которые оставил художник, отряхнув кисть. Даже не подлинное выражение мастерства, просто отголосок.

И этот убийца не являлся художником.

Кто бы это ни сделал, он был мясником. Драск наклонился, чувствуя одновременно очарование и отвращение. Жертву прибили гвоздями к перилам на краю пустыря, чтобы не было видно с улицы. Свет выхватил те места, где длинные куски металла прошли сквозь запястья, зверски скрепив воедино плоть, кости и железо. Лицо - то, что от него осталось - было искажено застывшей животной гримасой боли. Глаза... отсутствовали. Вниз к подбородку тянулись длинные неровные борозды, окаймленные застарелыми кровавыми следами.

На службе Драску доводилось видеть смерть множество раз - бандитов, понаделавших друг в друге дырок; пошедшие наперекосяк сделки с наркотой; результаты серийных убийств. Но это было явление иного порядка. Жертву измолотили с практически звериным бешенством. Впрочем, резаные и колотые раны были слишком разнообразны для животного, в них не просматривалось абсолютно ничего общего, кроме жестокости.

Один разрез поперек шеи. Два глубоких рубленых удара в грудь. Еще три в живот. Все остальное сливалось в сплошное полотно насилия - бездумного, бессмысленного и всеохватного.

- Я... - Драск глубоко вдохнул, сознавая, что ему глядят в спину. - Мне понадобится, чтобы вы вызвали вериспика.

В конечном итоге Бастион-П смог выделить всего одного адепта, но при имеющихся обстоятельствах было достаточно и ее. Строго говоря, вериспики не работали «в поле», однако дела, которые попадали к Драску, требовали к себе определенного внимания. У него имелись связи – те весьма немногие, что еще оставались у него среди блюстителей закона – и это позволяло некоторую профессиональную гибкость.

Он стоял рядом с разрешителями, наблюдая за работой женщины, Олиар. Глядя на нее, он видел свою противоположность. Она трудилась прилежно, а ему уже давно не хватало сосредоточенности. У нее были светлые волосы, кое-как обмотанные вокруг вшитых в череп кортикальных имплантатов, он же был краснолицым и темноволосым. Она была моложе, хотя имплантаты и скрадывали это впечатление, и внимательнее. А еще, странное дело, она не посмотрела на него с равнодушным осуждением, как делали многие другие. *«Погоди еще»*, – черство подумалось ему.

- Нам показалось, это похоже... – запинаясь, вмешался Каллос. – Может быть, ритуал?

- Ритуал? – усмехнулся Драск. – Я бы не разбрасывался такими словами, сынок. Привлекает не то внимание. Окажись здесь что-нибудь вроде этого, его бы переслали выше по цепочке. – Он указал в небо. – И вещи такого рода обычно исчезают путями, о которых нам не следует думать.

- Ну... – Каллос сбился, – либо так, либо Серебряная Монета.

- Будь это он, меня бы тут и рядом не было. Это для людей получше, чем я, – при этих словах Драск скривился. Воспоминание о преступлениях Убийцы с Серебряной Монетой не входило в число тех, к которым он охотно возвращался. Его рука скользнула в один из карманов пальто и сомкнулась на привычном грузе блокнота. Будто на талисмানে.

Олиар кашлянула, и он посмотрел на нее, после чего похлопал Каллоса по плечу и направился к трупу.

- Есть что-нибудь интересное?

- Можно сказать и так. – Она подняла на него взгляд. Глаза давным-давно были заменены мигающими кибернетическими устройствами. Линзы со стальными ободками задвинулись назад, понижая степень увеличения и втягиваясь в глазницы. При движениях ее серое одеяние шевелилось, словно она пыталась подобрать наиболее эффективный способ перемещения. – Похоже, что большая часть повреждений нанесена после смерти, каким-то крупным клинком, хотя, полагаю, это могла быть и некая разновидность шипа или кирки. Чтобы узнать больше, придется проанализировать ранения.

Она потеряла руки в перчатках друг о друга, после чего встала и потянулась.

- Ткани несколько обесцвечены, возможно из-за окружающих условий. Кроме того, я обнаружила следы неизвестного минерального порошка под ногтями и его же пыль в некоторых разрезах.

- Я так понимаю, больше мы ничего не узнаем, пока вы не отвезете тело в мортуарий?

- Маловероятно. – Она уже стягивала свои пластиковые перчатки. Протянула ему руку. – Не уверена, что нас представили надлежащим образом, сэр. Вериспик, адепт Олиар.

- Квиллон Драск, – он крепко пожал ее руку. – Пробатор.

Услышав это, она слегка наклонила голову. Не наморщилась от подозрения, сомнения или страха – как многие другие. Она просто наклонила голову и улыбнулась.

- Очень приятно, пробатор, – произнесла она, а затем ее глаза расширились, и она потянулась вниз,

чтобы что-то достать из стоявшего перед ней чемодана. Олиар взяла в руки блестящую сферу сервочерепа, и тот вспорхнул в воздух, покачиваясь на антигравитационной тяге. Из отверстия на том месте, где когда-то располагалась нижняя челюсть, свисала полоска пергамента, а верхние зубы были извлечены и заменены скоплением тонких пишущих перьев.

- Еще я нашла вот это. Получила изображение татуировки на теле. Повреждена, но поддается воспроизведению.

Она выдернула пергамент, посмотрела на него и вручила Драску.

Шприц с ярко выраженной отточенной иглой, но стеклянная емкость имеет форму стилизованных песочных часов с острыми гранями.

- Определенно, стоит вникнуть, - он оглянулся на двух ожидавших разрешителей. - Во рту ничего не было, так ведь?

- Во рту? Ничего из ряда вон выходящего. Ничего под языком, поскольку его нет. Возможно, откушен, - она снова наклонила голову, одергивая себя, чтоб не сболтнуть вздора. - Вы же не думаете, будто это Серебряная Монета, правда? Совершенно другой модус операнди.

- Знаю, - он приподнял руки. - Знаю. Просто разрешители нервничают. - Он неубедительно рассмеялся. - Я начну отслеживать связи, посмотрим, что получится раскрутить. Вы можете организовать перевозку тела. Дадите мне знать, если что-то всплывет? - Олиар кивнула. - Отлично.

Он крутанулся на каблуке и зашагал мимо Каллоса с Джидьей, едва сбавив ход, чтобы отдать им приказ напоследок:

- Проследите, чтобы ей не мешали, и все вернулись в целости, ага? Ваша работа угодна Трону.

Стоило ему скрыться с глаз, как он запустил руку под пальто и вытащил фляжку, жадно поднеся ту к губам. В воздухе за клубился пар неожиданно нагретого дыхания и амасека, и он ощутил, как внутри медленно и отчетливо разливается тепло. Он вернул фляжку на место, дал пальцам размяться, после чего двинулся по городским улицам. Уже начинали просыпаться и заступать на работу первые смены, так что на основных магистралях было больше народа, чем раньше. Над доками разносилось эхо первых ударов колокола, свистков и сирен. С торговых грузовых судов, на носках которых холодно блестели ледорезы, выгружались экипажи, а навстречу им торопились подменные команды. Из факторумов, глядя в землю, тихо выходили рабочие с пепельными лицами.

Драск шел вперед, проталкиваясь сквозь скопления тружеников и не обращая внимания на преследующие его сердитые крики. Помогало теплое алкогольное оцепенение. Он поднял руку, стряхнул с волос снег, а затем свернул на боковую улочку. Главные дороги кишели людьми, но в переулках, петлявших в направлении Гляцис Коммерция, было посвободнее. С импровизированных кафедр вопили проклятия проповедники, а под их бешеными взглядами бичевали себя до крови кающиеся. Люди нахваливали сервиторов, «хорошего и честного происхождения», хотя киборги болтались безвольно и тихо, словно марионетки без ниточек. От обледеневших лотков с кусками грокса и прочими деликатесами тянуло свежим мясом. Имелись там и штуки, очевидно являвшиеся рыбой - их держали в мутных баках, или раскладывали на отдельных поддонах - пучеглазые, с тупым взглядом. От вони рассола и крови накатила тошнота, и Драск сглотнул желчь. Он пересек рыночную площадь и нырнул в очередной переулок.

Смрад сочащихся по стокам отходов последовал за ним. Он поднял глаза, высматривая как очевидные, так и едва заметные знаки. В теплом желтом свете натриевых ламп все приобретало резкую контрастность. Он крадучись вошел в тень под дверь и отрывисто постучал.

Изнутри раздался приглашающий крик, и Драск открыл дверь. Смахнув при входе с одежды снег и слякоть, он вгляделся в приглушенное освещение студии, будто человек, уставившийся в потусторонний мир. Слышалось тихое жужжание, чувствовался слабый аромат крови и резкий запах прижженной плоти.

- Кто там?

Голос доносился из центра соседней комнаты, и Драск двинулся на него. Помещение было уставлено рядами столов, а говоривший стоял среди них. Над задней стороной его плеча трудился сервитор, руки которого были заменены стрекочущими иглами. Те ныряли вниз и вонзались в кожу - слишком быстро, чтобы успеть за ними проследить - и на теле разрасталась татуировка. Завивающиеся черно-красные узоры, резкие и многозначительные.

- Пробатор Драск, - не повышая голоса, произнес он. Здесь было теплее, что его ободряло. - Как бизнес, Варнава?

Варнава Роул посмотрел на него и мрачно улыбнулся.

- Квиллон, ты ж меня знаешь. Держись подальше от проблем. - Сервитор переключил свое внимание дальше вдоль кости, и кольцо скривился. - Чем могу помочь делам блюстителей? Или ты наконец-то пришел что-нибудь набить?

- Мне нужно, чтобы ты на это взглянул, - он вытащил из кармана сложенный рисунок и протянул его Варнаве. Тот подался вперед и поскреб подбородок. Казалось, он озадачен.

- Удивительно, что человек твоей профессии никогда прежде не видел часов праха.

- Часов праха?

- Старый криминальный рисунок торговцев омолаживателями. Знал нескольких из Видоры с такими, красивыми и затейливыми - в былые дни, еще до всех их неприятностей. Говорит о продаже жизни: длань дающая, длань отнимающая. Порой можно увидеть, что каждая крупинка на дне - это маленький череп; по крайней мере, если художник что-то умеет. - Он опять посмотрел на изображение и усмехнулся. - Этот не умеет, я б сказал. Чрезмерно острые грани? Почти детская демонстрация силы. Примитивный рисунок, примитивная наколка. - Он вернул листок и пожал плечами. - Не могу сказать, кто это делал, да и себе, вероятно, такой чести не хотел бы. Как я уже говорил, скверная работа.

В стороне от комнаты началась суета. Открылась дверь, и наружу под бдительными взглядами охраны вышли другие клиенты с кольщиками. Драск проследил, как они удаляются мимо ниш, где рядом с чанами пестрых красок стояли дремлющие сервиторы.

- Благодарю, Варнава. Я это ценю, - он сунул листок обратно в карман. - Как смогу, пойду поищу каких-нибудь торговцев омолаживателем, кто пободрее. - Он потянулся. - Длинная ночь, а ведь только началась.

- Или закончилась, как посмотреть. - Варнава покачал головой. - Я теряю счет времени здесь, в тени. А ты чем оправдаешься?

Искренне рассмеявшись, Драск направился к двери и на ходу отозвался через плечо:

- Наверное, я просто чертовски занят.

Домой он поехал на магнитном транспортере, старой дребезжащей конструкции, где всегда казалось, будто еще один толчок - и она развалится. Магистраль петляла сквозь тело города, словно артерия, разветвляясь и дробясь, чтобы удовлетворить колоссальные потребности постоянно растущего населения и ширящейся застройки. Драск барабанил пальцами по холодной испачканной синтекоже и отрешенно глядел в перемазанные окна. Вдалеке виднелись шпили - еще не улей, не совсем, всего лишь очередное проявление вечной тяги человечества вверх.

К настоящему моменту это уже стало рутиной. Каким бы ни был маршрут, он всегда представлял собой одно и то же медленное возвращение обратно к холодному очагу и пустой кровати, которой все меньше и меньше пользовались. В большинство ночей он просыпался в кресле после одного-двух опрокинутых стаканов, и сны неотступно следовали за ним по пятам.

С тех самых пор, как три месяца назад снова начались убийства.

Серебряная Монета отбросил длинную тень - тень, которая как будто полностью поглотила будущее Драска. Так же, как поглотила и его наставника. Когда Драск еще строил карьеру, Алексиус Войт уже был закаленным ветераном - человеком с завидным числом арестов и одним из самых острых умов, какие ему доводилось встречать. Прошло тридцать лет, а это так и не изменилось. Под его опекой Драск мог бы блистать.

Однако Алексиуса поглотил Убийца с Серебряной Монетой. Душегуб кружил по городу, убивая молодых способных рабочих и оставляя у каждого под языком серебряную монету. В народе говорили о «Десятине», но для них он всегда был Серебряной Монетой. День и ночь неудачи в охоте на него подтачивали Алексиуса, пока того открыто не отстранили. Возможно, заперли в каком-нибудь сумасшедшем доме нижнего улья, гнить среди неполноценных и лишившихся рассудка. К тому времени убийства прекратились, но теперь... теперь они возобновились, или же это было подражание, будто бы призрак ненавистного прошлого. Спецгруппы метались туда-сюда, но безрезультатно. И никому из них не хотелось, чтобы за ними по пятам шел Драск, или память об Алексиусе. Они хотели работать дальше. Без интуиции, без призрака и без нависающей над ними тени.

Он покачал головой.

- Ритуал. На что меня только не вызывали. Салаги меня угробят.

Он поднялся с сиденья, пошатываясь от тряски останавливающегося вагона. Вышел наружу и зашагал по холодному и пустынному участку дороги к своему жилому блоку. Три пролета вверх по расшатанным железным ступеням, пока он не оказался у потрепанной бурой двери, обозначавшей его жилье. Драск кое-как нащупал ключи, а потом никак не мог отпереть дверь в полумраке и липком свете лестничной площадки. Наконец, та открылась, и просочившаяся наружу затхлая вонь алкоголя и разрухи поприветствовала его дома.

Устав до такой степени, что едва мог стоять, он осел в кресло, поднял руки к глазам и давил до тех пор, пока не остались только темнота и боль. Дотянувшись до массивной груды документов, пиктов и отчетов, он принялся читать. Все всегда возвращалось к этому делу. Оно было словно камень на шее, тянущий его вниз.

Должно быть, он отключился. Ему снова снился сон.

Алексиус глядел на него слезящимися глазами из-за брусьев какой-то безымянной виселицы. Он открыл рот, чтобы заговорить – может быть, позвать на помощь – но оттуда хлынули только кровь и потускневшие серебряные монеты.

Он резко проснулся, дернувшись в кресле, широко раскрыв глаза и тяжело дыша. В глубине глотки уже чувствовался едкий привкус, и он с трудом подавил рвотный позыв. Временами он не был уверен, чем вызвана эта слабость – тем, что он пьет слишком много, или же недостаточно.

Покачиваясь, он встал и оперся о стену, запустив пальцы в осыпающуюся хлопьями штукатурку. Чем дальше, тем сильнее это место из дома превращалось в бедняцкую могилу.

Этот город пожирает людей.

Опять это воспоминание, голос призрака. Стряхнув его, он зашел в маленькую умывальную в соседней комнате, плеская в лицо холодной водой и дрожа. Провел руками по лицу и разгладил седеющие волосы, приказывая себе собраться.

- Давай, – прошептал он. – Ты сможешь.

Он оттолкнулся от ледяной керамики и направился к двери, на ходу бросив взгляд на настенный хронометр. Всего час передышки. День все еще только начинался.

Драск снова шагнул на мороз лестничной площадки, спустился вниз и вышел под утренний мокрый снег. По пальто заструилась холодная влага, и он обхватил себя руками, осторожно растирая плечи. Драск знал, куда нужно идти – где устроило себе логово местное отделение поставщиков омолаживателей. В целом, путь был не длинный. Он сунул руку под пальто, достал флягу и быстро глотнул, чтобы отогнать вездесущую стужу. Его неопрятные ботинки блестели неожиданной чистотой, раскидывая талую жижу, которой были покрыты мостовые. Он в одиночестве двигался в духоте и сумраке раннего утра.

На него искоса глядели жилые блоки, которые кренились к земле так, словно тоже были пьяны, и накрывали его своей тенью. Понемногу их становилось меньше, ландшафт постепенно расплзался на старые промышленные комбинаты и заброшенные склады. Многие из них были переоборудованы под другие нужды, или же заселены – либо укрывавшимися от стихий обездоленными, либо же менее приятными организациями, которым не удалось зацепиться в перенаселенных и коррумпированных районах Драги.

От торговцев омолаживателями у Драска всегда ползли мурашки по коже. Он понимал обыденные пороки; много таковых имелось и у него самого. Мог уразуметь, почему люди унижаются ради удовольствий, наркотиков, власти, богатства. Мог смириться и с существованием авантюристов, способных это предоставить. Но хранить молодость, саму жизнь, для кого-то другого? Такое требовало особой степени черствости. Он практически не мог выразить этого словами.

Драск миновал сумрачный дверной проем и мерцающий алым фонарь подпольного борделя, устремив взгляд вперед. Следующий склад выглядел непримечательно, там висела выцветшая вывеска хранилища медицинских припасов. На него свирепо уставилась сверху вниз пара мускулистых головорезов

размером почти с огринов. Они представляли собой горы кожи и пересаженных мышц. Один нетерпеливо бил мясистым кулаком по ладони другой руки.

- Че те надо? - хмуро спросил он, комкая слова. Драск поднял руки, пытаясь изобразить миролюбие и безбидность.

- Просто поговорить. У меня к вашим боссам деловое предложение. Не больше, не меньше. Я не дурака валяю.

- Не дурака валяешь? - бугай моргнул.

- Совсем. В сущности, очень прибыльное дело может выйти, - Драск сунул руку в карман и достал пригоршню плиток. - Видишь? Деньги. Ты получаешь деньги, я получаю деньги. Все при деньгах.

Напарник говорившего повернулся и зашел внутрь, а сам он злобно уставился на Драска. Секунды текли, словно кровь, к которой, видимо, все шло, и тут раздался приглушенный стук в дверь. Бугай распахнул ее и жестом предложил Драску войти.

- Не валяй дурака, - тупо повторил он, выдернув наличность из руки Драска.

Внутреннее убранство было скучным, что создавало атмосферу медицинского отделения. С одной стороны стояли неиспользуемые каталки и столы. Драску пришла на ум студия Варнавы, однако здешние процедуры были на порядок более инвазивными. Около одной из тележек располагались ряды блестящих игл, и ему было очень хорошо известно, что их длины и остроты хватит, чтобы войти в кость.

- Чего ты хочешь? - донесся откуда-то спереди голос, и Драск резко сосредоточился на нем, позабыв о приспособлениях. Говорившая женщина была бледной, ее лицо обрамляли темные волосы. Она казалась слишком гладкой, словно кукла или очень аккуратная восковая фигура. Присутствовало в ней что-то сверхъестественное. У Драска было такое ощущение, будто она то ли не вполне реальна, то ли на некотором уровне слишком реальна. Она переходила от стола к столу, взвешивая в руках канистры с какой-то темной жидкостью. Работая, она практически не смотрела на него, и он порадовался, что избавлен от ее бесчувственного внимания.

- Чего ты хочешь? - повторила она. - И кто ты такой?

- Я Драск, - он вежливо склонил голову. - А ты?

- Никола, - ее губы чуть-чуть дернулись, словно пытаясь улыбнуться. - Пока что этого хватит. - Она наклонила голову. - Ты выглядишь как пробатор. Слышал старую шутку? Что тот, кто служит «Лексу» не обязан об этом говорить, но они все равно вечно с этого начинают?

Ее смех звучал странно, словно принадлежал человеку старше.

- Я... - он помедлил, понимая, что отрицать бесполезно. - Да. Это так.

Она с насмешливым укором прищелкнула языком и покачала головой.

- Глупо в таком признаваться. - Она подалась вперед и скрестила руки, как будто оценивая его. - Либо ты здесь, чтобы причинить нам ущерб, и тогда ты пришел очень плохо подготовленным, либо же ты здесь в поисках благословения. - Ее глаза блестели, но губы оставались поджатыми, не умея или не желая отозваться на слышавшееся в голосе веселье. - Однако ты не выглядишь достаточно старым или обездоленным, чтоб тебе требовался дар жизни.

- Я пришел в поисках ответов. У меня нет намерения...

- У тебя нет возможности заставить нас повиноваться, - просто и без прикрас прервала она его. - У нас есть друзья наверху, а у тебя? У тебя нет друзей, а еще плохая репутация.

- Ты знаешь меня?

- Знать - это наша работа, Квиллон Драск. А теперь задавай свой вопрос.

Он пошарил в кармане и вытащил изображение татуировки.

- Мне нужно знать, известно ли тебе, кто носил этот рисунок - корявый, но это определенно часы праха.

Он прошел по гладкому девственно-чистому полу, оставляя на белых плитках следы ботинок. Она протянула руку, взяла листок, секунду глядела на него, а затем фыркнула.

- И об этом ты спрашиваешь? О наколке шарлатана?

- Стало быть, ты его знаешь?

- О да, он нам знаком, - в этих старых глазах сверкнуло веселье. - Эфраим был не из нашего общества, но вращался в тех же кругах. Мошенник и аферист. Увел у нас много дел и мало того, сработал предельно низкопробно. Не удивлюсь, если какой-нибудь конкурент прострелит ему голову из стаббера или всадит клинок в сердце. - Она с неожиданной хищностью подалась вперед, словно оглядывающий добычу карнодон. - Так и есть?

- Думаю, тут чуть больше, чем профессиональные разногласия. Его... - Драск сбился. - Это было личное. - Он рассеянно размял кисти рук. - Попадалось ли за последнее время что-нибудь странное? Кто-нибудь приметный?

- Хмм, - Никола наклонила голову вбок и прикрыла глаза, словно общаясь с кем-то невидимым для него. Будто какой-то мистик, Трон ее прокляни. Драск не был уверен, стоит ли сотворить знамение аквилы, или же потянуться за пушкой. Он уже собирался что-нибудь сказать, когда она снова вскинула руку. Тут присутствовала система связи, которую он не мог разглядеть, или еще какое-то объяснение. Это была пантомима. Не более того.

- Был кое-кто. Срочный случай. У него имелись ресурсы и деньги. Он был болен. Страдал. Очень сильно. Он хотел от нас помощи. Сказал, что другой его обманул, - она снова улыбнулась своей пустой улыбкой.

- Знаешь, к чему в этом деле приводит неудачная процедура? Это может надломить разум человека, а потом опустошить его тело. Они разваливаются на части, один кусок за другим. - Она покачала головой.

- Я работала с подобающим прилежанием, и здесь нет никого, кто бы допускал ошибки. Мы сказали этому страдальцу возвращаться с деньгами, чтобы расплатиться с нами как положено, но с тех пор ничего.

- Благодарю, но это мне не особо помогает. - Она бесстрастно посмотрела на него, и ее глаза как будто стали еще более мертвыми, чем прежде. - Кто был этот клиент? Вам он был знаком? Можешь его описать?

- Мы можем вручать вам имена своих врагов, но не имеем обыкновения выдавать своих клиентов, потенциальные они или нет, - она сцепила руки. - Твое дело здесь окончено, пробатор Драск.

Он отшатнулся назад, внезапно уловив присутствие, и едва не налетел на охранников. Две пары глаз

разглядывали его с недружелюбным весельем.

- Прошу. Только имя.

У него за спиной Никола зацокала языком.

- Ты не можешь уйти без прощального подарка, пробатор. Его-то ты, по крайней мере, заслужил, - ее голос звучал размеренно и глухо, словно у нее полностью истощилось терпение, и на дне осталось лишь пустое равнодушие. - Никто не должен видеть, что мы подаем закону руку вместо того, чтобы держать его на поводке.

Он не стал оборачиваться, чтобы увидеть, как она кивнет. В этом не было нужды.

Посыпавшийся на него град ударов говорил сам за себя.

Драск пришел в себя, судорожно дыша и хватая ртом воздух. Он лежал на боку, а рядом с его ртом плескалась сточная вода. Он сплюнул и попробовал пошевелиться. Боль пронзила ребра и разлилась сбоку по лицу. Он уже чувствовал, как расплываются кровоподтеки, а из рассечений сочится кровь. Один глаз заплыл; он потрогал его рукой и скривился.

- Трон... - простонал он и, нетвердо пошатываясь, заставил себя подняться на ноги.

Оглушенный, он заковылял по улицам. В голове стучало так сильно, что пришлось остановиться и проблевать. Драск оперся на скользкую от конденсата рокритовую стену торгового здания и утер рот тыльной стороной ладони. Он попытался сообразить, сколько сейчас времени - понять, как долго он пробыл в отключке. Дневной свет достиг полуденного пика. Это был слабый, болезненный свет, который едва просачивался сквозь промышленный смог наверху, но все же присутствовал. Проживи тут достаточно долго - и начнешь тонко улавливать мелкие жесты и нюансы города. Нужно было заняться работой.

Спотыкаясь, он брел мимо толп людей, которые старательно не обращали внимания на его состояние. Их взгляды соскальзывали с него, пока он петлял из стороны в сторону. Один махнул в его сторону дымящимся кадиллом, будто благовония могли отогнать прочь его смрад и безумие. Возможно, им казалось, что он пьян и кипит после драки прошлой ночью, либо же его могли принимать за жертву воров или бандитов. Что бы они там ни думали, они не лезли в это дело. Они хватались за аквилы, или надвигали капюшоны ряс. Игнорировали его.

- Этот город. - Он рассмеялся: над иронией, над реальностью. - Этот город пожирает людей.

Когда он, наконец, подошел к крепким железным дверям Бастиона-П, то уже успел отчасти вернуть себе самообладание. Он выглядел будто покойник - неряшливый и избитый, ободранный и бледный - но это была довольно типичная внешность. Встряхнувшись, он распахнул двери и стал углубляться в суету участка.

Мало кто вообще обращал на него внимание. Те, кто это делал, неуверенно кивали, будто на них могла перекинуться какая-то порча. Драск протолкнулся мимо разрешителей, которые переводили задержанных с регистрации в камеры, и едва не сбил с ног писца, нагруженного документами. Он вскинул руку, извиняясь, и двинулся вокруг центрального островка активности.

Здесь раздавалось дребезжание пальцев по клавишам и скрип перьев - принимались и переписывались

заявления. Раз за разом ободряюще гудели и щелкали когитаторы. Сервочерепа перелетали из ниши в нишу, мигая пассивными сканерами, или же доставляли сообщения из одного отдела в другой. Вокс-рупоры рявкали, извещая о графиках развертывания и распорядках смен, а где-то слышались исступленные звонки сигналов повышенной готовности. Несмотря на шум, Драск всегда ощущал здесь умиротворение – если и не среди людей, вершивших правосудие, то от работы его механизмов. Он медленно пробрался через столпотворение и спустился на уровни мортuariев.

В стылом отфильтрованном воздухе не было вызывающей клаустрофобию суеты, как наверху. Драску казалось, словно он входит в иной мир, пусть и до жути знакомый, учитывая его былые дни.

В следующий раз в мортuariей не раньше, чем никогда. Он подавил эту мысль как чрезмерно черный юмор. Необходимость, как и везде. Некропсия либо уже завершена, либо близка к тому. Он должен быть здесь – должен увидеть это. Должен узнать. Должно тут быть что-то стоящее.

Входя внутрь, Драск услышал звуки письменной работы и встретился взглядом с поднявшей глаза Олиар. Та кратко улыбнулась.

- Ну и ну, – она слегка покачала головой. – Выглядите так, словно на войне побывали.

В ее словах звучала забота, смешанная с любопытством. Он не был уверен, жалеет она его, или же хотела бы посмотреть на его работу. Неужто его чувство дружбы настолько атрофировалось, что он больше не мог распознать завязывание отношений?

- Можно и так сказать.

- Я собиралась послать вестового к вам домой. Некропсия скоро будет закончена, – она отложила бумагу с пером и скрестила руки. – Вам следует привести себя в порядок. Время еще есть.

- Не понадобится, – с сухим смешком ответил он. – Думаю, у нас меньше времени, чем мы предполагали.

Он кивнул в направлении двери в главный мортuariей, откуда уже торопливо выходила женщина постарше. Та оглядела Драска, хмуря лоб под седыми волосами и уже понемногу начиная качать головой, словно собиралась сказать: *«Опять ты в заднице оказался»*. Медикэ-примус Амелия Визарт вздохнула.

- Мне вообще стоит знать, что привело тебя сюда в таком виде?

- Вероятно, нет.

- Ну конечно же тебя. Из всех именно тебя.

- И что это должно значить?

Визарт ничего не ответила. Она просто подняла шкатулку-верикварий.

Внутри практически глумливо блеснула серебряная монета.

Он долго глядел на нее, водя руками по поверхности контейнера. Трущиеся о поверхность пальцы едва не оставили на ней вмятины. Такая простая вещь. Серебряная монета, на одной стороне которой выгравирована фигура в капюшоне, глаза скрыты в тени. На другой – раскинувший крылья орел, но не облагороженное изображение подлинной имперской аквилы. Драск смотрел так долго, что едва слышал голоса Визарт или Олиар. Их слова уплывали прочь, оставаясь неразборчивыми.

- Драск? Пробатор.

Он резко повернул голову, сомкнув пальцы вокруг монеты. Он сознавал, что у него побелели костяшки.

- Я здесь. Простите. Продолжайте.

- Мы нашли ее, - со вздохом заговорила Визарт. При этом она приблизилась к нему и вперила в него взгляд своего светло-зеленого органического глаза и пронзительно-синего аугметического. Тот подергивался и мерцал, пока она не подняла руку и не постучала по нему стальными кончиками пальцев. - Нашли ее в желудке жертвы. Похоже, ее затолкали туда, после смерти. Так же, как при предыдущих убийствах. Серебряная копия старинного обила времен Первой Высадки. Вышедшая из употребления валюта Семьи Основателей. - Драск кивнул, и она продолжила. - Как предположила адепт Олиар, раны нанесены шахтерским орудием. Насколько позволяет судить сравнение, это роющий костыль системы «Кортоз». Используется для прецизионной добычи руды вручную в глубине коры. Это бы объяснило минеральные отложения, которые, к слову, еще анализируются. Требуется времени.

- Вы уверены, что это какой-то инструмент? - Драск чувствовал, что слова срываются с губ едва ли не чересчур быстро, поспешно, бестолково. - Серебряная Монета, он пользуется ножом. Он очень щепетилен. Каждый раз это один и тот же нож. Одинаковые точные разрезы, а не эта звериная жестокость.

- Спокойно, - это произнесла уже Олиар. - Драск, мы знаем, что все не слишком-то сходится, но это стоит иметь в виду. Возможно, это сделали ради пущего эффекта, или чтобы заставить нас думать, будто это просто очередное убийство в серии. Поскольку ни одна из прочих деталей не вяжется с текущим расследованием, объяснений может быть сколько угодно.

- Она права, - сказала Визарт, качая головой. - Я уже долго тут. Я помню, как ты делал карьеру, и тогда ты выглядел многообещающе. Вся свою жизнь ты провел в тени Алексиуса. Не дай ей поглотить тебя целиком. Он был хорошим человеком, одним из лучших, что у нас были, но его слабостью являлась его заикленность. Его *одержимость*, и если не заметить ее заранее, то она станет и твоей слабостью тоже. Видит Трон, она и так уже принесла достаточно вреда.

- Я знаю! - огрызнулся он, и они отпрянули от неожиданного приступа ярости. Драск обмяк и провел одной рукой по волосам. Он выпустил монету. - Знаю. Просто... - Он подавленно вздохнул. - Что еще есть?

- Когда мы получили тело, то провели экстренный анализ крови и мышц, - сказала Олиар, и ее ученая манера выражаться вдруг стала энергичной. Драск чувствовал запах мазей и машинных масел, который остался от какого-то таинственного техпроцесса, являвшегося частью подобного анализа. - То, что мы увидели, сходится с вашей теорией о нелегальном омоложении. Жертва пребывала в скверном состоянии - химикаты, которым он пользовался, вызывали постепенное разрушение на генетическом уровне, отсюда и обесцвечивание тела. Одному Трону ведомо, что от этого становилось с любым его «пациентом».

«Это может надломить разум человека, а потом опустошить его тело. Они разваливаются на части, один кусок за другим», - вновь всплыла у него в сознании злая мудрость Николы. Он тяжело сглотнул.

- Зло, порожденное беспринципностью. Неудивительно, что кто-то напал на него с оружием. Но зачем хитрости? Зачем монета? То ли кто-то притворяется Серебряной Монетой, то ли это Серебряная Монета

убивает в несвойственной ему манере.

- Выглядит незамысловато, - произнесла Олиар. - Ложный след. Попытаться сделать так, чтобы тело затерялось в суматохе, утопить нас в уликах, связывающих жертву с самым печально известным убийцей за последние три месяца.

Едва она упомянула о времени, как вдруг нахмурилась.

- Три месяца, - эхом отозвалась Визарт. - Вот это странно.

- В чем дело? - спросил Драск.

- Просто... - она снова посмотрела на Олиар. - Предположительно, жертву убили ранее, чем прошлой ночью, и законсервировали. Заморозили. Это подтверждается глубоким зондированием тканей, секвенированием некрозов и алхимическим анализом.

- Ну и? Это Поларис-Нуль, для такого хватило бы просто окружающей среды.

- Опять-таки... - вздохнула Визарт. - Это чисто гипотеза, но присутствуют повреждения, которые, будучи сопоставленными с примерной степенью сохранности, указывают на...

- На что указывают? - подался вперед теперь уже заинтересованный Драск.

- На то, что этого человека убили по меньшей мере три месяца назад.

- До того, как Серебряная Монета принялся убивать снова, - закончил он за нее. - Его убили первым, прежде чем кто-либо узнал о существовании убийцы. До того, как вообще пошли слухи о подражании.

- Именно.

Он откинулся в кресле, словно из него вышибли дух. Эти выводы как будто ударили его в корпус. Он все еще пытался их осмыслить, когда наверху раздалось эхо перестука шагов. Визарт выскочила наружу и устремилась вверх по лестнице, и он услышал, как она кричит вдалеке, вопрошая, что за суматоха.

Вернулась она тихой. Подавленной. На ее лице царил тревога, и она едва смогла посмотреть Драску в глаза.

- В чем дело? - спросил он.

- Еще одно случилось, - оцепенело проговорила она.

Драск едва не умчался из участка, но Визарт убедила его подождать и позволить ей взглянуть на его раны. Он выдержал все ковыряния, тыканья и дезинфицирования, кривясь, когда она прочищала порезы на лице. Быстро, эффективно, совершенно без эмоций.

Когда она закончила, он поспешил наружу, в холод и сырость. Погода никогда не отступала от своего вечного злого умысла, разъедая железо и кладку с той же неуклонностью, с какой разлагался этот мир. Этот город. Это *общество*.

По стандартам Империи в целом Алекто являлся мирной планетой, а Варангантюа - обычным образцом ульевой застройки. Однако преступность, особенно преступность нетипичная, была уникальной формой войны. Бастионам честного имперского общества было суждено рухнуть точно так

же, как подточенным дождем и снегом камням. Города вроде Варангантюа были выгребными ямами, переполненными грязью и скверной. Слишком большой город, недостаточно силовиков. Единственное, что в твоих силах – держать строй, линию холодной стали между порядком «Лекса» и преступной гнилью, пусть даже с каждым днем эта линия все сильнее стирается.

Над головой шипели и трещали от влаги магнитные рельсы, кое-как прикрывавшие своими линиями торопившегося по забитым улицам Драска. Спеша через толпу, он в кого-то врезался и едва не сбил человека с ног. Он был перевозбужден, даже жгучая потребность выпить поугасла под напором одержимости.

Так себя чувствовал Алексиус? Это свело его с ума?

Он свернул за угол и нырнул в переулок, пытаясь вспомнить указания, которые Визарт взяла из сообщения о преступлении, и чуть не налетел на разрешителя. Драск потянулся за голо-жетоном, но все равно раздался треск активируемой шокерной палицы.

– Оставь его! – пробился сквозь суету голос, и охранник отвернулся, отключая свою палицу. – Может, он и бродяга, но это знакомый бродяга.

Старший пробатор Марита Константус протолкнулась мимо разрешителей, охранявших место преступления, и посмотрела на Драска свысока, кутаясь в пальто. Они были почти одного возраста, представляли собой продукты разных направлений мысли и подчинялись разным наставникам, но не забыли друг друга. Ее звезда была на подъеме, его же уже давно потеряла свой блеск.

– Марита, – отрывисто произнес он. – Не знал, что это твое дело.

– Тем, чего ты не знаешь, Квиллон, можно целиком базу данных заполнить. – ухмыльнулась она, оскалив зубы. – Особенно когда речь идет об этих случаях подражания.

– Подражания? – он едва не рассмеялся. – Ты так уверена?

– Принцип большей вероятности, разве нет? – она пожала плечами. – Либо это подражание, исключительно чтобы примазаться к славе, либо настоящий убийца вернулся и начал снова убивать, практически не сбиваясь с шага. Тридцать лет – долгий срок, Драск. Долго для отсутствия, и так долго, что годы возьмут свое.

– Значит, он был арестован, или же покинул город или планету.

– А теперь вернулся? Ты говоришь, как Старик, – она вскинула руки, заметив яростный взгляд Драска. – Знаю, знаю. Он показал тебе, что к чему, наставил тогда на путь. Но повторять его шаги? Распутывать его дело? Тебе больше повезет в драке с огрином.

В ответ Драск покачал головой.

– Я просто хотел посмотреть. Только и всего, – произнес он. *«Это не ложь»*, – оправдался он перед собой, – *«просто не совсем правда»*.

Она долго глядела на него, а затем покачала головой – не с разочарованием, а с насмешливым снисхождением.

– Хорошо, – она подала знак разрешителям, и те расступились. – Но тебя здесь не было, ты ничего не видел, и ничего не трогать. Даже мое терпение не безгранично, Квиллон.

Он рассеянно кивнул, говоря банальности, которых на самом деле не думал, вышел на место преступления и увидел все сам.

По меркам предыдущего убийства это, несомненно, выглядело сдержанным. Тело лежало, словно бы торжественно. Бледное, холодное, недвижимое. Линии на трупке были аккуратными по сравнению с бесчеловечной бойней, которую учинили с Эфраимом. Драск сочувственно посмотрел на него: мужчина, где-то на середине четвертого десятка, мускулистого телосложения. Все признаки жизни в труде. Уже подернувшиеся пленкой глаза неотрывно глядели вверх. В них скопилась вода, также пятнами покрывавшая лицо. Между губ человека мерцал кусочек серебра.

- Он становится неуклюжим, - заметила Константус, указывая на торчащую монету. - Обычно под языком, спрятана, будто грязный секрет. Но в этом подражании... копированию недостает элегантности, - она фыркнула над собственной шуткой. - Настоящий убийца, должно быть, вертится в могиле, пусть мне и не жаль этого ублюдка.

- Еще что-нибудь необычное? - Драск впитывал каждую деталь картины: монету, ее слегка неточное положение, позу жертвы, разрезы... - Что-то не так с разрезами. Он всегда был точным, как хирург. Мы думали, он из бывших медиков или мясник - где-то специально учился. Но эти неровные. - Как у Эфраима. Он опустился на колени, следя за тем, чтобы ничего не задеть и не сдвинуть. - Мелочь, но это так.

- Во имя Императора, как ты вообще это понял? - выдохнула Константус, и в ее голосе послышался подавленный приступ страха.

- Такое случается, когда годами по ночам изучаешь изображения с мест преступлений.

А именно этим ты и занимался, каждую ночь, и он постоянно сухо шептал тебе в ухо:

- Смотри, парень. Монстр там, где-то в мелочах. В каждом рисунке и заявлении. Он там.

Он вырвался из хватки морока. На мгновение ему показалось, будто тело постарело и изменилось, превратившись в иссохший ухмыляющийся труп Алексиуса. Драск встал, тяжело глотая воздух. Он чувствовал, как сводит горло, как бурлит в желудке. Но он не собирался опозориться перед ней.

- Убирайся отсюда, Драск. - Он видел, что Константус дрожит, несмотря на пальто. - Порой мне кажется, что от тебя разит псайкерством, как от тех мутантов-ищеек в намордниках, которых притаскивают на странную ерунду.

- Я тоже рад тебя видеть, Марита. - Он снова посмотрел вниз. Жертва таращилась на него, в тусклом свете переулка мутные глаза напоминали тусклое серебро. Он отвернулся и больше уже не оглядывался.

Он стоял перед дверью, собираясь с духом. Любому было бы нелегко встретиться лицом к лицу со своим прошлым - взглянуть в глаза призракам, преследовавшим его на каждом шаге с тех пор, как пропал Алексиус.

Драск вернулся в Бастион молча, избегая разрешителей на улицах. Избегая гудящих толп людей. Он проскользнул через боковой вход и спустился по железной винтовой лестнице в чрево здания - даже глубже изолированных уровней мортуария. Здесь стоял почти такой же пронизывающий холод. Температура контролировалась для сохранения ресурса, который был так же ценен, как и тела.

«АРХИВИУМ», – со сдержанной величавостью гласила простая латунная табличка.

Он толкнул дверь, ощутив напор воздуха от выравнивающегося давления, и шагнул внутрь. Было тихо, если не считать шарканья сервиторов. Киборги тяжело ходили тут и там; на подносах, которыми были заменены их руки, громоздились высокие кипы документов. Они синхронно поворачивались, подбирая и кладя, перемещая огромные горы информации по схемам, известным лишь их заторможенным и запрограммированным разумам.

Он услышал покашливание и обернулся к ячейке, встроенной в стену по правую руку от него. Из-за проводов клетки изоляции данных на него с безмятежной скукой глядел клерк в светло-сером одеянии. По крайней мере, ему показалось, что это скука. Из-за мерцающей алой бионики было трудно сказать наверняка.

- Звание и запрос? – поинтересовался клерк совершенно обреченным голосом.

- Пробатор Квиллон Драск, разряд секундус. Авторизация сигма-четыре-девять-шесть. Я пришел взглянуть на все файлы, относящиеся к исходным убийствам Серебряной Монеты.

- Аа, – человек посмотрел на него с иронией, словно ему очевидно следовало бы быть поумнее. – Эти файлы, могу вас заверить, уже затребовала старший пробатор Константус.

-Конечно, – он покачал головой. – Конечно.

Чего бы она не взяла? Что слишком хорошо для старшего пробатора и ее складного дельца о подражании?

- Может быть, вы сможете мне помочь с другим вопросом. Я хотел бы увидеть все дополнительные примечания по делам, поданные старшим пробатором Алексиусом Войтом.

Человек отвел взгляд и принялся печатать на привинченном к его посту когитаторе. Аугметические пальцы клерка неразлично мелькали, и «щелк-щелк» клавиш эхом разносилось среди пустых стеллажей. Сервиторы не обращали внимания и не поднимали глаз. Драск чувствовал, как на него давит вес этого места. История. Справедливость. Правосудие. Неудивительно, что архивиум располагался в основании. Будь он на любом из уровней выше, они бы обрушились под давлением самой его сути.

Находиться здесь, заниматься этим – казалось ему не просто правильным. Праведным.

- Да. Эти файлы еще на месте. Мы можем достать их для вас сейчас, пробатор. Принести их вам на стол, или...

- Здешний скрипториум подойдет, – произнес он нетерпеливо. Возможно, чересчур нетерпеливо. – Человек глянул на него, а затем указал на дверь с противоположной стороны. Когда он повернулся, Драск увидел кабели, которые болтались у него сзади на шее и, змеясь, уходили в структуру архива, где он не просто служил, но также являлся и одной из частей. Тот сложил свои посеребренные руки, наблюдая, как Драск уходит в другую комнату, после чего закрыл дверь. Снова застучали клавиши, и где-то между стеллажей послышалось приглушенное «повинуюсь» – один из сервиторов отправился на поиски файлов.

Драск уселся в скрипториуме, барабанил пальцами по коленям. Было холодно, но его это не заботило. Он прикрыл глаза и сунул руку под пальто. Пальцы снова нащупали книгу, и он извлек ее наружу. Та была старой, потертой и потрепанной от неоднократного, почти непрерывного использования. Для него она

была ценнее любого количества флажек или любой выдержки выпивки. Суть. Основа. Его последняя осязаемая связь с мертвым и позабытым наставником – человеком, являвшегося для него отцом больше, чем тот суровый и циничный портовый рабочий, который неохотно его вырастил.

Записи Алексиуса всегда казались ему чем-то таинственным, сводом секретных наблюдений и кругозора детектива. Тот скупое делился ими, предпочитая передавать свои знания словом и делом, а не сухим паучьим почерком. Драск обнаружил, что книга дожидается его на столе, в тот день, когда кто-либо в последний раз видел Алексиуса.

Он открыл ее, водя пальцем по утраченным словам и мыслям наставника. Казалось, будто тот здесь, живет на этих страницах, словно сам текст несет в себе его дух. Драск читал, а сервитор таскался туда-сюда, понемногу добавляя все новые документы к растущей рядом с ним груде. Та поднималась вверх, словно бастион, окружая его, запирая в схемах прошлого. *Все потому, что ты была слишком тщеславна, чтобы взглянуть, Марита. Все потому, что ты придаешь такое значение внешнему виду. Ты игнорируешь это сокровище.*

Он принялся сортировать документы одной рукой. Левой он брал папку за папкой и разворачивал их, держа в правой раскрытую книгу. Переводил взгляд с одного на другое, сличая имена и наблюдения.

Был Иона Муриан, малозначительный писец. Находился в окрестностях убийств. До того – ничего сверх небольших должностных злоупотреблений. Возможностей у него была масса, но Алексиуса так ничто и не убедило, что он и впрямь виновен. Он покончил с собой – судя по всему, из-за их пристального внимания – а убийства продолжились. Эта смерть легла бременем на каждого из них. Страницы были покрыты чернильными полосами, сильно изуродованы наотмашь – Алексиус вымещал свое разочарование, ярость и чувство вины. Они потратили на Муриана несколько месяцев, и все впустую.

Так же многообещающе выглядел Саргас Гилат. Он вспомнил нетерпеливые возражения Алексиуса. *«Виновен», – говорил тот. – «Ясно, как звезды, парень. Виновен. Типы в золоте вроде него не знают законов, не понимают правосудия».* Имелись пачки бумаг, десятки файлов и упоминаний в книге. Он был молод, нахален и богат. Его семья занималась горнодобывающими делами, разрабатывая адамантиновые жилы в восточных пустошах. Они имели достаточное влияние, чтобы заставить любые обвинения исчезнуть. Расследования, погубившие такого человека, как Муриан, для Гилата представляли собой лишь неудобство. Алексиус изо всех сил пытался продвинуться дальше, но ничего не вышло. Помешали сверху.

К тому моменту, как отец Гилата отозвал того в их имения за городом, его уже было не достать. Их отделил от цели ров, наполненный деньгами – совершенно такими же грязными и мутными, как те, что они извлекали из уст мертвецов.

В него стоило взглянуть пристальнее, но тогда было так много ниточек. Драск обхватил голову руками, пытаясь не закричать. Все еще слишком много ниточек. Так много времени, так много новых случаев, а он все так же не знал, куда смотреть. Должно было быть что-то.

Неудивительно, что Старик сошел с ума.

Ему показалось, что он заснул без сновидений. Возможно, он просто так подумал, зависнув между мгновениями, застряв в повторении собственных страданий. Он шевельнул руками и позволил себе открыть глаза, лишь услышав позвякивание металла о металл.

Когда он поднял глаза, напротив него сидела Олиар с чашкой рекаффа в руках. Еще одну она поставила перед ним, и Драск приподнял бровь. Он не привык к будничной доброте.

- Решила, вам может пригодиться что-нибудь, чтобы взбодриться.

- Не в моих обыкновениях, но благодарю. - Он взял чашку и поднес ее к губам. Жар был резким и внезапным, но приятным. - Я так и продолжаю смотреть на все это, - вздохнул он. - Продолжаю просматривать все эти предположения и размышления. Бред, если докопаться до сути. - Он постучал пальцами по столу, от чего куча документов задрожала. - Пытаюсь найти связи, чтобы воздать ему по справедливости. Но такое чувство, словно этого мало. Словно я его подвожу. Словно я падаю.

Олиар крепко сжимала чашку в руках, наслаждаясь теплом.

- Расскажите мне о нем, - произнесла она. Ее глазные линзы пощелкивали, подстраивая фокусировку. - Расскажите, что он для вас значил. Что вы от него приобрели. Чем вы ему обязаны.

Он поглядел на нее, словно сомневаясь в ее мотивах. Она пожала плечами, от чего ее черепные имплантаты задребезжали.

- Порой мы можем двигаться вперед, лишь сняв с себя бремя.

Он взял книгу и извлек из ее задней части пикт. Оттуда глянули гораздо более молодой Драск и Войт. На губах старика угадывался намек на улыбку. Толика гордости. Он вспомнил, как это было снято. Редкий момент покоя, вскоре после того, как его прикрепили к Алексиусу. Даже окрашенный сепией, город казался более ярким. Даже более обнадеживающим. Позади них слегка мерцала вода, удачно освободившаяся от льдов конца зимы.

- Это сложно описать словами, - он сделал еще глоток, скривился и продолжил. - В сущности, как и все. Он увидел во мне больше, чем кто-либо еще. Мой потенциал; путь, которым я мог пойти, называйте как угодно. - Он смотрел мимо нее, сквозь нее. - Мне пришлось наблюдать, как он ломается, разрушается. Его опустошило единственное дело, которое он не смог распутать. К концу он уже бросался на тени в уверенности, что убийца следует за ним на каждом шагу. Что это личное.

- Такое не может быть легко.

- Оно и не было, - фыркнул он. - Это будто смотришь, как человек умирает перед тобой. Постепенно. Каждый день делаешь, что можешь, а еще одна грань стирается. Пока в конце концов он не исчезает. Он не умер, насколько мне известно. Просто исчез. Город... - он помедлил. - Город сожрал его.

- Но вы еще здесь.

- Да, я здесь, - произнес он. - Хорошо это, или плохо.

- Это чего-то да стоит, - Олиар постучала вытянутым пальцем по горе бумаг. - Вы здесь. Вы заняты работой. Кто бы там что ни думал, это достойно восхищения. - Она сделала паузу, колеблясь. - Он был бы горд, мне кажется.

- Надеюсь, что так, - сказал он. - Но почему вы здесь? Я так понимаю, не только для того, чтобы меня проведать?

- Мы наконец-то получили результаты минерального анализа. Как оказалось, их нужно было обсудить их с магосом геологис. Очень мало кто из вериспиков - минералог. - Она засмеялась над собственной

шуткой, но остановилась, заметив, что он тихо и спокойно пристально глядит на нее. – Как выясняется, у нас были проблемы с идентификацией вещества, поскольку оно редко встречается в виде пыли. Это адамантин. Местного происхождения, если верить догадкам машинного духа.

– Вы сказали «адамантин»? – Драск взорвался бурной активностью, вытаскивая папки из груди и раскрывая книгу при помощи большого пальца. Он вытащил пикт и грохнул им перед ней. У человека, который недобро смотрел с сепиевого изображения, были темные волосы и глаза. В нем присутствовала глумливая, будничная жестокость, уверенность если не в своем предназначении, то как минимум в существовании. От этого человека исходило ощущение превосходства, которым определялась вся его суть и все его поступки.

– Саргас Гилат, – объявил Драск. – Аристократ-наследник небольшой горнодобывающей династии. Владения на востоке, управляющие их адамантиновыми рудниками. Войт определял его как существенного подозреваемого немалую часть расследования, пока в дело не вмешалась политика. – Он покачал головой. – Деньги его отца устранили множество проблем.

Олиар посмотрела на пикт, а затем на Драска.

– И это с тех времен?

– С тех.

– То есть, ему сейчас... – она поскребла подбородок. – Сколько? Седьмой десяток? Восьмой? Он не смог бы до сих пор убивать молодых, сильных рабочих. Это наполовину подтверждает, что тут подражание. Время.

Время, ускользающее от них. Утекающее сквозь их пальцы, словно прах. Словно прах в песочных часах.

Его глаза расширились.

– Но что если он не стар?

Он ворвался в офис Константус с таким напором и так сыпя словами, что все они звучали бессмысленно, пока она не ударила кулаком по столу и не ткнула пальцем на стул напротив. Грудь Драска тяжело вздымалась от изматывающего подъема по лестнице из архивиума, а его кожа выглядела краснее обычного. Он преувеличенно вздохнул и рухнул на стул.

– Я распутал наше дело, – произнес он, утирая лоб тыльной стороной ладони.

– Ты хочешь сказать, мое дело, – решительно сказала она. – Мы не работаем над одним делом, не работаем на одном уровне.

– Трон побери твое звание! – выплюнул он. – Сейчас не время для старых обид или политики отделов. Я. Распутал. Наше дело. То же самое дело.

Она глядела на него долгий, затянувшийся миг, а затем уселась.

– У тебя пять минут.

– Саргас Гилат...

- Реабилитированный бывший подозреваемый, который сейчас уже совсем не в той форме, чтобы убивать...

- Саргас Гилат, - повторил он. - Человек, которого расследование обошло стороной благодаря связям его отца и подкупу. Человек, связанный с группами горнодобывающих компаний, в избытке имеющий возможности и средства, чтобы охотиться на рабочих. Чтобы позволить себе приобрести или хранить контрабандные деньги, вышедшие из употребления. - Он остановился, переводя дух. - Человек, который мог бы при желании позволить себе хороший омолаживатель.

- И позволил ли?

- Официально нет, но как насчет моей жертвы? Подпольный торговец омолаживателем по имени Эфраим. Мертв, в желудок затолкали серебряный обил. Убит до того, как начались новые убийства. Убит, чтобы замести следы Саргаса. Он не может с собой ничего поделаться. Это одержимость. Нужно устраивать представление, нужно все контролировать. Даже когда он пытается скрыть убийство, он должен оставить свою метку.

- Но зачем? - спросила она, подавшись вперед и положив подбородок на сцепленные пальцы.

- А зачем все они что-либо делают? Марита, мы уже не новобранцы. Мы всякое повидали. Зло, мерзости, беззаконие. Людей, которые ломаются, плачут и шипят, будто это не их вина - будто их заставили сделать это голоса из пустоты, будто их толкнула на это болезнь в крови. Это навязчивая идея. Желание сродни патологии.

- Нам не сообщали ни о ком, кто подходил бы под это описание, будь он молод или стар, - она сделала жест в сторону пикта. - Просто неопределенные перешептывания об активности мутантов. Остается все тот же вопрос: почему сейчас?

Драск постучал пальцем по строчке в одной из папок.

- Отец. Умер, и четырех месяцев еще не прошло. Без сдерживающего стержня Саргас получает контроль над делами и берется за старые фокусы.

Он ждал. Марита глядела на него, наклонив голову вбок и размышляя. Затем вздохнула.

- Тут есть над чем как следует поработать, - осторожно согласилась она. - Мне понадобится все проверить, но думаю, этого достаточно, чтобы устроить рейд на эти рудники для подтверждения. Это его последнее известное местожительство?

- Да.

- Отлично, - она поднялась из-за стола. - Как офицер, руководящий этим расследованием, я надеюсь, ты понимаешь, что контроль полностью на мне, а как следствие - и все лавры за успешный арест?

Драск усмехнулся.

- Марита, я никогда этим не занимался ради славы. Просто хочу убедиться, что мы схватим ублюдка, или уложим его. Как пойдет.

- Как бы то ни было, я тебя с собой не возьму.

- Ясно, - он сжал руки в кулаки, сделал глубокий вдох и выдохнул. Протянул руку, взял книгу и убрал ту

обратно в карман. – Я понимаю. Ты должна вести расследование по правилам.

Он протянул ей руку, и она ее пожала.

– Удачи, старший пробатор.

Он сидел в одиночестве и глядел с наблюдательной площадки участка, озирая громаду города. Шпили того поднимались вверх с непоколебимостью гор, придавая ему грозный и непотребный вид. Детская площадка для гиганта, сделанная из железа, камня и пластали. Если смотреть под верным углом, в ней присутствовала едва заметная красота. Сверкающие огни походили на что-то из морских глубин, вроде биолюминесценции – напоминание о том, что в каждой щели кишела жизнь.

Однако и смерти там было так же много. Он наблюдал ее вблизи бесчисленное количество раз, не смог помешать такому количеству убийств. Он позволил своей руке сомкнуться на книге.

Кто-то кашлянул, и он удивленно поднял глаза. Это была Олиар. Она рассеянно кивнула.

– Константус попросила меня сопровождать проверочную группу вериспиков в шахты. Полагаю, вот и расплата.

– Это хороший результат, и в немалой степени ваша заслуга. Вы должны пойти.

– Я так и планирую, – улыбнулась она. – А вы что? Что собираетесь делать?

– Мне нужно довести до конца последнюю ниточку. – Он извлек книгу из кармана. – Есть старинное имя семейства Гилат, здесь в городе.

– Драск...

– Нет, дослушайте. Я просто намерен сходить и осмотреть его. Если что-нибудь найду, у нас будет дежурить вериспик.

Она вздохнула.

– Берегите себя, Квиллон.

– Подождите, – произнес Драск, когда она начала отворачиваться. Он вырвал страницу из книги и улыбнулся при виде того, как у Олиар расширились глаза. Вручил ей лист. – Вот адрес. Если у вас будет время после анализа, а от меня не поступит известий, я там.

– Благодарю, – улыбнулась она в ответ и двинулась прочь.

– Веселой охоты.

Резиденция располагалась в районе Аурузеум-Санктус, на другом конце города в той же стороне, что и шпили. Записи были подробными, а дополнительное подтверждение когитатором означало, что путь ему известен. Драск вытерпел две поездки на маглеве и заставил свое страдающее тело подняться наверх по наклонным и узким рыночным дворикам, которые занимали эту часть города. Сверху на него взирали горгульи и резные герои с незрячими глазами и приоткрытыми ртами. Это место несло в себе груз истории – овеянный легендами и подкрепленный вещами, с которыми не могли и надеяться соперничать

внешние портовые районы.

В наэлектризованном собирающейся грозой воздухе чувствовались духота и напряжение. По узким улочкам гулял ветер, и Драска едва не свалило с ног полдюжины раз. Он упорно продолжал идти вперед в холодном свете далекой луны.

Он подошел к старым железным воротам, проржавевшим и уже наполовину открытым. Участок вокруг дома был запущен и зарос. Растения выпирали из растрескавшихся плит, густо покрытых лишайником. Драск осторожно пробирался между них, пока не оказался у передней двери. Это было потертое, но величественное сооружение, вырезанное прилежными тружениками и их инструментами. Драск позволил себе взяться за бронзовую ручку и слегка удивился, когда дверь с легкостью отошла. *Не заперто.*

Внутри дом представлял собой унылую развалину. Все было покрыто слоем пыли, а углы заплели арахниды. Казалось, будто все это место приходит в упадок без людских рук, которые бы этому помешали. Он покинул огромный приемный зал и через различные вспомогательные помещения вышел в просторную трапезную. Здесь стояли крупногабаритные крио-ячейки, которые продолжали потреблять энергию, хотя остальной дом вокруг них и разваливался.

Размеров хватит, чтобы поместилось тело или два, наверняка.

Подумав об этом, он протянул руку, и та замерла перед очередной дверью. Раздался скрип. Не двери. Он поднял глаза, тщательно изучая потолок, словно тот мог выдать свои тайны. Шевельнулись доски. Просто подвижки старого здания, может быть... Он вышел из трапезной, следуя на звук – следуя своему чутью. Медленно поднялся по лестнице для слуг, повернул и попал в одну из главных гостиных.

Перед мертвым камином стояло два антикварных кресла – исключительно кожа грокса и старое дерево. Он увидел, что приглушенный лунный свет, просачивавшийся сквозь грязные окна, кое-как очерчивает силуэт руки, свисающей с одного из подлокотников.

Потянувшись под пальто, Драск вытащил свою личную «Царину» и шагнул вперед. Половицы снова скрипнули, на сей раз выдав не добычу, а его самого. Фигура нетвердо поднялась, глядя в другую сторону, и он взвел пистолет.

– Саргас Гилат! Властью Лекс Алекто я призываю тебя к ответу за твои преступления против его граждан.

Плечи фигуры задрожали, словно от смеха, и она обернулась. Тусклый свет выхватил черты лица – жутко искаженные, но такие знакомые.

Это был не Саргас Гилат.

Рука Драска затряслась. Когда похожая на вурдалака тварь – скорее призрак, чем человек – шагнула вперед, он едва не выронил оружие.

– Возможно, – прошипел Алексиус Войт, – для этого уже слишком поздно.

– Я не понимаю, – прошептал Драск, будто ребенок. – Не понимаю.

– Мне тоже понадобилось время, чтобы увидеть. – Безумие существа, когда-то бывшего Алексиусом, проступало на его коже. С ней дело обстояло хуже всего. Она выглядела растянутой и желтушной, испещренной странными кляксами-кровоподтеками. В щели рта опасно шатались гнилые зубы. Одежда,

сплошь чужие роскошные наряды, висела на нем, будто на жертве голодания. Однако его глаза были живыми. В них светилось все то же сумасшествие. Они блестели, как и серебряный нож, который он держал в руках. – Но я вижу. Теперь я вижу все. Увидел еще до того, как он мне объяснил.

– Так объясни мне, – голос Драска звучал тихо от боли и замешательства. – Помоги мне увидеть.

– Они изгнали меня. Прокляли меня, обрекли на неудачу мои замыслы. Все до единого. Предоставили их ничтожествам! – он ударил трясущимся кулаком по креслу. – Я не мог этого вытерпеть. Мое наследие предназначалось не Константус и другим вроде нее. Даже ты бы не помог. – Он покачал головой. – Взял все, что у меня было, и занялся этим самостоятельно. Много лет это было моим личным делом. О да, свобода от ограничений «Лекса». От коррупции. Наблюдал, ждал. Старел с каждым днем. Собрал все сбережения до последнего и отнес продавцам жизни, когда на них еще можно было положиться. Получил юность, стал новым человеком с новым лицом и превратился в шахтера.

Он сухо рассмеялся. Казалось, будто у него в горле шевелится могильный прах.

– Ша... шахтером?

– В конечном итоге. Видишь ли, я должен был подобраться поближе. Должен был узнать. Гилатам были нужны сильные руки. И я наблюдал, я ждал. Улики были там, и все, что требовалось – смотреть. Смотреть! Когда не спят деньги и коррупция! И я нашел. – Он покачал головой. – Но нужно было больше. Медленного изучения не хватало. Я сыграл в самую долгую игру из всех. Я ждал годы, я купил еще годы, а потом я стал шахтером.

– А потом?

– Когда скончался его отец, я понял, что время пришло. Ему не терпелось, он не знал покоя. Я должен был действовать: время, сам видишь, было не на моей стороне. Получать процедуры становилось все сложнее и сложнее, так что я заплатил меньше, за трущобную работу. Думаю, именно тогда у меня по-настоящему открылись глаза. На то, что такое этот город. Чем он был и что делал. И я не мог позволить этому продолжаться, – он усмехнулся и закашлялся. Прижал руку к груди и скривился. – Я взял свой шахтерский костыль... и всадил его в Саргаса. Он закричал.

– Ты лишился рассудка, – покачал головой Драск. – У тебя был шанс его арестовать, и ты им не воспользовался. Чего ради?

– Они всегда визжат под конец, так ведь? – продолжал Алексиус, словно и не слышал Драска. – Он умолял меня не делать этого. Рассказал мне все. Где хранил семейные фальшивые монеты, средство притворяться Первородными, которым они никогда не были ровней.

Говоря, он прохаживался туда-сюда, и Драск рискнул приблизиться чуть ближе.

– Дальше не нужно, – ухмыльнулся Алексиус и поднял свой нож. – Чтобы я тебя видел.

Драск замер на месте из-за гнусной мышечной памяти. *Эта властность. Эта харизма. Я бы последовал за этим голосом куда угодно, и даже сейчас его приказ попадает в цель.*

– Я взял все, а затем вернулся назад и показал тому, кто продал мне лекарство. Мне хотелось, чтобы он увидел. Хотел, чтобы он узнал. Я не спешил, привыкал. Потому что... – его лицо сморщилось. – Потому что я знал, но не понимал. Он рассказал мне причину – очистка улиц, никчемные рабочие, стоявшие настолько ниже него. Но я не понимал. Так что я практиковался. Не на Саргасе, его я припрятал. В

безопасном месте. Нет, мне нужно было попробовать свои силы. И узнать, и понять, и увидеть.

- Ты убивал невинных людей.

- Правда? Они были невинными?

- Ты зашел слишком далеко. Ты в состоянии ответить за свои преступления. Я за этим прослежу. Пора положить всему конец.

- Нет! - тот отпрянул назад, широко открыв глаза от злости. - Ты тоже не понимаешь! Я заставлю тебя понять!

Пока Драск вскидывал руку с оружием, Алексиус уже метнулся вперед. Выстрел ушел мимо цели, и он услышал, как разлетелось что-то дорогое. Он замахнулся рукояткой пистолета и с треском ударил Алексиуса в висок, но это того не замедлило. Драск задался вопросом, чувствует ли еще боль это истерзанное и изломанное тело. Какая его часть уже распалась и прогнила?

Он едва почувствовал, как нож вспорол его. Живот вдруг захлестнула боль, стало влажно. Его глаза широко распахнулись, руки беспомощно заколотили по груди бывшего наставника. Алексиус глянул на него, словно на пустое место, и позволил упасть. Взволнованно прошелся и посмотрел на Драска сверху вниз. Покачал головой.

- Если бы кто и понял, это должен был быть ты, - еле расслышал Драск. Он выронил оружие. Заставив себя перевернуться на живот, он пополз, запуская руки в набухший ковер. - Я же столько раз тебе говорил. Этот город, он *пожирает людей*. Хороших людей, злых людей. Гордых людей и решительных людей. Пережевывает их всех и глотает.

Пальцы Драска нащупали пистолет и снова втянули тот в ладонь. Он чувствовал, как остатки сил утекают с той же очевидностью, что и жизнь.

Где-то раздался лязг - в отдалении, но так близко. Алексиус поднял глаза, повернулся к двери. На лестнице послышался шум ботинок, и сквозь мрак прорезался голос:

- Разрешители! Выйдите вперед и назовитесь!

Он увидел, как лицо Алексиуса исказилось от утробной, звериной ярости. Упырь огляделся по сторонам, словно искал ответ. Драск заставил себя еще раз перевернуться, увлекая за собой оружие. Он увидел в глазах бывшего человека проблеск горя от предательства.

- Парень...

Он вдавил спуск. Брызнула нечистая кровь, и Алексиус завалился назад. Из его карманов вроде бы посыпались серебряные обилы, а из зияющей раны на голове грязным потоком полилась кровь. В лунном свете она казалась не черной. Она была серебряной.

Драск все еще смотрел на нее, когда им овладела темнота.

Он спал и впервые за очень долгое время не видел снов.

Он открыл глаза и зашипел от боли. Медицинский отсек был белым, стерильным и безмятежным - совершенно не таким, как оставшийся позади сумрачный кошмар. Осторожно опираясь на локти, он

приподнялся. Огляделся, и чья-то рука передала ему чашку с водой.

- Стало быть, еще живы? - произнесла Олиар.

- Кое-как. Вы меня нашли?

Она улыбнулась.

- Ну конечно, нашли. В конце концов, вы же мне для этого и дали ту страницу. Мы прибыли в имение, и там был сумасшедший дом. Люди, ведущие дело к краху и слишком напуганные, чтобы расспрашивать их о господине-деспоте. Мы нашли его запертым наверху - масса свидетельств его былых увлечений. Для самоубийства это было слишком складно, поэтому мы выслали отделение проведать вас. - Она развела руками. - И вот вы здесь. Они нашли вас и... его. Сумели вовремя доставить вас сюда.

- И я буду жить?

- Останется шрам, возможны долгосрочные боли. Но да, им так кажется.

Он закрыл глаза и сделал глубокий выдох.

- Никогда не думал, что это будет он.

- Никто не думал. Никто не ожидал, что произойдет нечто в этом роде. Старые дела умеют удивлять, - она покачала головой. - Константус взяла на себя руководство и лавры. Сделала все немного складнее. Виновным считают Гилата. Так что некоторая справедливость тут есть.

- Гораздо меньше, чем нужно, - он снова попробовал шевельнуться, развернуться и сесть, но накатила саднящая боль. Олиар положила ему руку на плечо.

- Отдыхайте, - она встала и двинулась к двери. - Я приведу медиков. Когда восстановите силы, сможете обдумать свои дальнейшие действия.

- Дальнейшие действия?

- Ваши следующие дела, - она сухо улыбнулась. - Возможно, Константус и не хочется этого признавать, но вы хорошо поработали. Есть множество дел получше, где пригодилась бы ваша внимательность.

Она открыла дверь.

- Олиар?

Она оглянулась.

- Спасибо вам, - произнес он, кивнув головой.

Она кивнула в ответ и поспешно вышла в вестибюль.

Драсс сидел в одиночестве, глядя в белую стену. Было время, когда он считал, будто проклят. Поглощен прошлым, собственными пороками. Теперь же он увидел правду - что одержимость способна сделать с человеком.

Он позволил себе упасть назад, во всепоглощающую белизну комнаты. Будто в нетронутый снег вечно холодного южного города

Квиллон Драск закрыл глаза и наконец-то позволил себе отдохнуть.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Остывшие_следы_/_Cold_Cases_\(рассказ\)&oldid=14848](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Остывшие_следы_/_Cold_Cases_(рассказ)&oldid=14848)

Эта страница в последний раз была отредактирована 15 сентября 2020 в 18:55.